

«ХОРОШО ОПЛАЧЕННАЯ РЕКЛАМА»

ПРОВАЛ ТЕАТРАЛЬНОЙ АГИТКИ СИОНИСТОВ

Некоторое время назад лучшие отели Нью-Йорка приняли гостей из разных городов США и даже из-за границы, прибывших, если судить по сообщениям прессы, для участия в выдающемся событии театральной жизни...

Два предприимчивых дельца — израильтянин Амос Элон и известная на Бродвее американка Дора Шэри заявили о своей решимости поразить мир премьерой пьесы с многозначительным названием «Герцль». Особый интерес к спектаклю, рассказывающему о венском журналисте средней руки Теодоре Герцле, ставшем впоследствии официальным организатором первого сионистского конгресса и президентом Всемирной сионистской организации, проявили сами сионисты, взявшие на себя рекламу и финансирование спектакля. Задолго до премьеры были разосланы роскошно оформленные билеты.

Торжество сопровождалось громким рекламным шумом, барабанным боем и звуками фанфар в сионистской прессе.

В день премьеры зал взрывался аплодисментами и ликовал всякий раз, когда герой пьесы произносил монологи, буквально цитирующие протоколы сионистского конгресса 1897 года. В последней части пьесы, изображавшей кулуары этого конгресса, Герцлю показывают придуманный для сионизма флаг — голубые полосы со звездой Давида. При этой сцене восторг людей, собравшихся в зале, живо напоминал пивной энтузиазм гитлеровских штурмовиков при появлении фашистского флага со свастики в мюнхенских барах...

В сущности, пьеса о Герцле, поставленная Дорой Шэри, оказалась примитивной инсценировкой биографии матерого сиониста.

Стремясь потрафить вкусам продюсеров, постановщики в первом действии помещают Герцля в некий роскошный салон с массивной претенциозной мебелью, бронзой и хрусталем. Будущий «пророк» предстает в окружении толпы в вечерних туалетах. Шампанское, светские разговоры составляют фон, на котором холеный герой произносит свои первые «пророчества». Непредубежденный зритель никак не может взять в толк, где же страдания, стенания и плач угнетенных, которых якобы защищал Герцль. Сытые, самодовольные парвеню, примитивные мещане, окружающие «пророка», никак не подходят к категории «угнетенных и униженных». И тем не менее Герцль по ходу действия вслух рассуждает об «их тяжелой судьбе». Для остроты восприятия авторы сдвигают диалоги скабрёзными шуточками. Затем следуют сцены жизни Герцля в Париже, где перед зрителем проходит вереница тех, кто составляет у сионистов когорту святых: банкир Давид Вольфсон, ставший его правой рукой и восприимчиком на посту президента ВСО, молодой пройдоха Нахум Соколов и некий Мартин Бубер, долго и нудно пытающийся по ходу пьесы докопаться, какой же

Герцль еврей, если он не знает и не соблюдает священных законов иудаизма, не знает иврита и идиша? На это Герцль отвечает вполне в духе современных сионистских функционеров: «Я психологический еврей, и этим все сказано».

Судя по утверждениям, Герцля, в Париже он был подвигнут на создание брошюры «Еврейское государство», объявленной сегодня «библией сионизма». Мысль о книге, заявил он, ему была внушена якобы свыше, во время написания брошюры ему слышалось шуршание орлиных крыльев... На деле все обстояло гораздо прозаичнее. Как-то Герцлю попала в руки книжка французского масона Мориса Жоли «Женевские диалоги», которая за тридцать лет до этого была издана анонимно в Швейцарии. Содержание показалось Герцлю интересным, и полузабытая брошюра стала основой беззастенчивого литературного плагиата. Герцль украл у Мориса Жоли, ничего не меняя, 18 основных положений, выданных им за собственные «откровения», а более 30 отрывков слегка переиначил. Однако эти пикантные подробности биографии сионистского «пророка» в пьесе-агитке, естественно, не показаны. Авторы сочли, что дважды и трижды выданная за правду ложь всегда может сойти за подлинную истину, и поэтому, не смущаясь, щедрой рукой выращивали на театральной сцене «развесистую клюкву» о творчестве «великого сиониста». После шумной премьеры и предварительной рекламной трескотни антрепренеры и авторы ожидали хвалебных рецензий на свое произведение. Но надежды не сбылись. «Биографическая пьеса на базе книжки Элона не стала гвоздем сезона», — уныло констатировали критики.

Подвизающийся в «Нью-Йорк таймс» журналист К. Бернес, чье положительное мнение о пьесе могло бы дать ей успешную путевку в жизнь, одарил пьеску «Герцль», по возмущенному свидетельству «Джерузалема пост мэгэзин», «поцелуем смерти». В осторожной форме К. Бернес констатировал, что «пьеса плоха», пытаясь смягчить эту оценку рассуждениями о том, что тема все-таки важна... «Но, — заключает американский журналист, — это, увы, не «Гамлет».

Другие критики оказались менее разборчивы в выражениях. В «Нью-Йорк пост», например, дана и вовсе убийственная характеристика, согласно которой «пьеса играет как хорошо оплаченное рекламное объявление».

Провал был очевиден. Даже израильская печать признала, что пьеса «Герцль» вызвала сильное недовольство среди нью-йоркских евреев. Все они расстроены тем, что «столь блестящий шанс пропаганды сионизма не удался».

Отчаянные усилия дать долгую жизнь театральной агитке сионизма успехом не увенчались: она тихо и бесславно скончалась через неделю после премьеры.

Д. КУЛИЧЕНКОВ.

СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ МОМЕНТ

5 АПР 1977